

К 60-летию со дня рождения главного режиссера Кировского театра кукол, засл. артиста РСФСР
А. Н. Афанасьева

— Дерево надо рубить по себе, — сказал председатель завкома. — Профессиональные артисты пытались наладить у нас самодеятельность. И — осека. А тебе, небось, и семнадцати нет. Так что не обижайся.

Посетитель не обижался. Он стоял перед столом председателя, невысокий, худой, по-юношески нескладный. Но в его голубых глазах была такая убежденность, что председатель заколебался. Тем более, что парень в школьном драмкружке сам спектакли ставит, оркестр организовал.

— А впрочем, можете попробовать. В порядке добровольно взятой общественной нагрузки, — сказал председатель, неуверенно переходя на «вы».

Примерно через месяц после этого разговора на воротах чугунолитейного завода (нынче этот завод зовется станкостроительным) появились афиши, извещающие о выступлении «Синей блузы». Программа понравилась. А семнадцатилетний режиссер Толя Афанасьев сказал кружковцам: «Этого мало. Будем одновременно репетировать и большую пьесу».

Любителей драматического искусства на заводе оказалось много. А к Толе стали обращаться за помощью и из других коллективов. Он ставил программы «Синей блузы» в клубе им. Демьяна Бедного, у работников почтамта, у железнодорожников. Сам много играл в водевилях и скетчах. Случилось так, что на одном из спектаклей побывал директор Московского театра железнодорожников. Он предложил Толе работу в своем театре.

Коллектив этот именовался так: инструктивно — показательный театр северных железных дорог. Были у театра три вагона — два для людей и один товарный, для декораций. Играли на больших и малых станциях, на путевых околотках. И еще — в Москве, в клубах железнодорожников.

Все складывалось удачно. Через год Анатолий Афанасьев уже играл Платона в спектакле «Правда хорошо, а сча-

стье лучше». Были другие интересные работы. И было лестное для молодого артиста предложение от известного столичного режиссера. Предложение, на которое он не спешил откликнуться, так как привык к своему скромному кочевому театру.

И вдруг произошло неожиданное. Театр пришлось оставить из-за болезни. Говорят, в своем доме стены помогают. Но что могло помочь ему в родной Вятке? Ему, который после такой наполненной, счастливой жизни в театре изнывал от бездействия, от неутоленной тоски по сцене?

Но именно здесь и суждено было отыскать выход из тупика. Ему посоветовали поступить в недавно организованный театр кукол. Вначале он оскорбился этим предложением. Он, актер Московского театра, скрытый ширмой, должен разговаривать и петь за кукол! Но выхода не было. Надо было чем-то занять себя, пока не отступит болезнь.

ла. И ей, кукле, надлежало передавать зрителям его мысли и чувства. Воспеть то, что он любил, осудить то, что было ему ненавистно.

Вскоре Анатолий Николаевич Афанасьев стал режиссером Кировского театра кукол — сначала очередным, потом главным. Он очень любил представления, где вместе с куклами действуют и люди. Такой веселый спектакль он поставил в драматическом театре во время зимних школьных каникул. Это было театрализованное действо, напоминающее красочный карнавал. В нем принимали участие барабанщики, фанфаристы, пионеры из кировских школ, актеры и куклы. Сам Афанасьев был клоуном — ведущим этого карнавала и звался Иваном Ивановичем Пряничкиным. Кировские ребята так полюбили это представление, что оно удерживалось в течение восьми лет. Режиссер драматического театра сказал ему: «Хочу поставить

вестный драматург Евгений Шварц.

Да, именно тогда, во время войны, Анатолий Николаевич убедился, на какую разнообразную аудиторию может рассчитывать кукольный театр. И позже, присутствуя на увлекательных репетициях у Образцова, он понял, что кукольному, как и «большому», театру должен сопутствовать вечный путь поисков.

Анатолий Николаевич работает режиссером 32 года. Уже второе поколение кировчан наслаждается сказками, поставленными им. Они очень разные, эти сказки. Романтический «Аленький цветочек», запминающийся своей теплотой и сердечностью. Или сатирическое «По щучьему велению». Спектакль этот — словно лихая, острая солдатская песня. На сцене цветет откровенный разудалый лубок. А как выразительны театральные метафоры! Солдаты из царской свиты — все на одно лицо, все двигаются,

„ПРОСТО Я РАБОТАЮ ВОЛШЕБНИКОМ“

Он увлекся куклами. Он начал понимать, почему человечество с таким интересом вот уже много веков «играет в куклы». Аристотель заметил, что человек — марионетка в руках судьбы. Любопытные слова! Значит, еще тогда, во времена Аристотеля, существовал театр марионеток. Он читал о средневековых мистериях, разыгрываемых кукольными артистами. О веселом Петрушке, который был героем на русских ярмарках. О том самом лихом, никогда не унывающим человечке в красной рубахе и забавном колпаке, которому был не страшен ни барин, ни поп, ни сам черт. Кукла способна прославить или высмеять. Она может быть смешной, откровенно гротескной или нежной, лиричной. Кукла — не фотография с одного человека. Она всегда обобщает. Она предстает как собирательный образ глупости или чванства, красоты или смелости.

И его уже больше не печалила мысль, что лицо его скрыто ширмой. Вместо него говорила и действовала кук-

«Ревизора». Из вас получится хороший Хлестаков, переходите к нам в театр». Но Афанасьев отказался от этого предложения: «Я уже не могу расстаться с куклами. Наверное, это у меня на всю жизнь».

...1941 год. С ночного кировского вокзала отправляюся на фронт эшелоны. Кто-то позаботился скрасить досуг ожидающих отправки солдат. Для них организовано выступление кукольного театра. Над маленькой, переносной ширмой неутомимо действуют забавные человечки. Идет представление «Как немецкий генерал с поросенком воевал». И то, о чем рассказывают куклы, так убедительно, своеобразно и неповторимо, что вызывает улыбку даже на самых озабоченных лицах.

Сотни концертов дали кировские кукольники на вокзалах, призывных участках, в госпиталях. Афанасьев привлёк к созданию кукольных рашеников эвакуированных в наш город писателей. С кировским театром работал из-

как заводные. Они являют собой образ бездушной механизированной рати. А в «Царевне-лягушке» — другие сценические приемы. Здесь причудливо переплетается сатирическое и сказочное. Много изобретательно поставленных чудес: летят заколдованные стрелы, борется змей с соколом.

Многие сказки, поставленные Афанасьевым, удостоены дипломов на театральных фестивалях, все они отмечены печатью щедрой режиссерской фантазии, мастерства артистов, скульпторов-бутафоров, художников. Кстати, Анатолий Николаевич говорит, что ему очень везло на хороших театральных художников. Вот уже 11 лет он работает в большой дружбе с Владимиром Павловичем Смирновым. Куклы, созданные Смирновым, обладают удивительно выразительными чертами.

Есть в «волшебном сундуке» у Афанасьева такие сказки, которые извлекаются на свет только по вечерам. Они для взрослых. Не один год на афишах театра значились

«Божественная комедия», «Чертова мельница». Около 100 представлений выдержала «Прелестная Галатея». По-прежнему этот спектакль отличается особым духом праздника, по-прежнему он радует зрителя остроумными неожиданностями, добродушной насмешливостью режиссера и артистов.

...Этим летом мне довелось быть в Кильмези. Большая терпеливая очередь, состоящая из малолетних кильмезских граждан, заполнила всю площадь перед Домом культуры. Ждали приезда кировских кукольников. Артисты запаздывали, и юные любители искусства, сжимая заветные двугривенные в потных ладонях, то и дело выбегали на дорогу, чтобы первыми увидеть автобус. И вот, наконец, самый стремительный из гонцов радостно возвестил: «Вдуть!»

Первым из автобуса вышел человек с серебряными волосами, молодыми, веселыми глазами. Он сказал: «Здравствуйте, ребята. Давайте знакомиться. Меня зовут дядя

Толя». И по тому, как радостно откликнулась детвора на эти нехитрые слова, я понял, как понравился он ребятам. Да, пожалуй, именно таким представляли они себе посланца из веселого мира кукол. Наверное, никто бы не удивился, если бы Афанасьев сказал о себе: «Я работаю волшебником».

А потом очередь расступилась, и все дали дорогу самым маленьким — воспитанникам детского сада. Они были так малы и беззащитны, что воспитательница велела им держать друг друга за подолы платьев, чтоб не относил в сторону. Но они шли на свое театральное представление. И им, очевидно, суждено запомнить этот день на всю жизнь.

А потом зал заполнили остальные ребята. И стало словно светлее от доверчивых детских глаз, в которых было столько радостного, нетерпеливого ожидания встречи с искусством.

Заиграла музыка, и началось представление...

Б. ПОМОРЦЕВА.